

Вернувшись от врача, Шэнь Цзя оформил в детском саду длительный отпуск. Изначально он порывался уволиться, чтобы подлечиться и не путать руководство планами, но заведующая категорически этому воспрепятствовала, настояв на оплачиваемом отпуске.

Шэнь Цзя от неловкости пытался отказаться, но Чжоу Цзыфэй мягко переубедил его:

— Это лишний раз доказывает, как высоко тебя ценят. Ты так замечательно работаешь, дети от тебя в восторге — с чего бы ей тебя отпускать? Принимай и даже не сомневайся, сокровище.

Шэнь Цзя ничего не ответил, но в душе вспыхнула тихая радость.

Оказывается, и он способен делать что-то действительно хорошо.

Узнав про болезнь, Цзян Хэ, учитель Ли и остальные коллеги завалили его теплыми сообщениями с пожеланиями скорейшего выздоровления. Шэнь Цзя в тот день долго стоял на балконе с телефоном в руках, всматриваясь в экран, а за ужином даже выпил дополнительную пиалу бульона.

Решив вопрос с работой, Шэнь Цзя превратился в настоящего домашнего лежебоку. Днями напролет он только и делал, что ел да отдыхал, лишь изредка отправляясь с Чжоу Цзыфэем на прогулку в парк.

Так пролетел месяц с лишним. И хотя лицо его по-прежнему оставалось осунувшимся, как-то вечером, во время ночных ласк, Чжоу Цзыфэй сжал мягкую плоть у него на талии и со вздохом удовлетворения констатировал: котёнка наконец-то удалось немного откормить.

— Малыш, будешь яблоко?

Перебив посуду, Чжоу Цзыфэй окликнул его из кухни, но, не дождавшись ответа, вышел в гостиную.

Пообедав, Шэнь Цзя прилег на небольшой диванчик у балконной двери и задремал. Укрытый узорчатым пледом, он спал так крепко, что даже золотистые лучи полуденного солнца, заливавшие его лицо, не могли его разбудить.

«И как только умудрился заснуть прямо здесь...»

Чжоу Цзыфэй ступал бесшумно. Подойдя ближе, он увидел, что Шэнь Цзя спит, склонив голову набок. Он осторожно присел на корточки и первым делом коснулся руки, выскользнувшей из-под пледа. Ладонь была теплой, и Цзыфэй спокойно вздохнул.

За последние недели Шэнь Цзя почти не выходил из дома, и его и без того фарфоровая кожа стала еще белее, будто свежее молоко. Солнечные лучи просвечивали сквозь мягкий пушок на его щеках, окрашивая их в теплый янтарный цвет.

В Чжоу Цзыфэе проснулся озорной азарт. Достав телефон, он включил запись видео и навел камеру на спящего.

— Ты прямо как поросенок, сокровище. Только и делаешь, что ешь да спишь. Настоящего поросеночка из тебя вырастил.

Шэнь Цзя уткнулся щекой в спинку дивана, мягкие ткани слегка сморщились, губы чуть приоткрылись, а на губу упала прядка волос, мерно покачивавшаяся от дыхания. Ему было уже за тридцать, но во сне он выглядел совсем юным, словно школьник, прилегший на парту во время обеденного перерыва.

Чжоу Цзыфэй слегка сжал его щеку и тихо рассмеялся:

— Поросенок, толстый пухляш.

Шэнь Цзя наморщил нос и тихонько промычал, будто выражая недовольство или пытаясь возразить.

— Не хочешь быть поросенком? — прошептал Чжоу Цзыфэй, наклоняясь и целуя его в межбровье.

Шэнь Цзя затих, его дыхание снова выровнялось.

— Будем считать, что ты согласен. У меня есть видеодоказательство! Попробуй только потом не послушаться — заставлю смотреть на телевизоре по кругу.

Шэнь Цзя перевернулся на другой бок. Видимо, спать на узком диване было неудобно: он насупился и долго пытался устроиться поудобнее, не открывая глаз.

Чжоу Цзыфэй тут же выключил запись, наклонился и бережно подхватил его на руки. Поглаживая его по спине, он тихо зашептал:

— Спи-спи, мой хороший. Муж отнесет тебя в спальню, на кровать.

Дверь тихо хлопнула. В комнате установилась тишина, залитая мягким полуденным светом.

Проснувшись, Шэнь Цзя обнаружил, что лежит в постели.

Он инстинктивно попытался шевельнуться, но обнаружил, что его талию поперек обнимает сильная рука. Широкая ладонь покоилась на его животе, согревая ласковым теплом.

Осторожно, с трудом повернувшись, Шэнь Цзя хотел взглянуть на Чжоу Цзыфэя, но уперся взглядом в распахнутый ворот его рубашки. Густо покраснев, он отвел глаза — прямо туда, где на груди Цзыфэя красовался след от его собственных зубов.

В тот раз ему хотелось побыстрее, а Чжоу Цзыфэй, нависая сверху, нарочно медлил. В итоге доведенный до крайности Шэнь Цзя просто въелся зубами в его грудь.

Вспомнив, как со слезами на глазах умолял Чжоу Цзыфэя поторопиться, Шэнь Цзя вспыхнул еще сильнее. Он попытался аккуратно потянуться вверх: сейчас ему больше хотелось видеть лицо Цзыфэя.

— Что такое?

Чжоу Цзыфэй проснулся от его возни. Сонно зажмурившись, он опустил взгляд на обнимаемого мужчину.

Его голос, хриплый и бархатистый от сна, звучал точь-в-точь как после любовных утех.

Шэнь Цзя мгновенно замер, чувствуя, как тело наливается жаром.

В последнее время он постепенно научился различать, когда его влечение было подлинным, а когда — лишь вынужденным откликом на тревогу и панику.

Это стало возможным благодаря Чжоу Цзыфэю: всякий раз, когда у Шэнь Цзя возникала реакция, тот сначала просто обнимал его, как ребенка, гладил по спине, ерошил волосы и лишь после неоднократных расспросов и подтверждений переходил к делу.

Если Шэнь Цзя действительно жаждал близости, это чувство было глубоким и тягучим, а ласки Чжоу Цзыфэя лишь разжигали огонь. Если же им двигало желание избавиться от одиночества или глухая тоска, возбуждение вспыхивало ярко, но быстро гасло, и после успокаивающих прикосновений он приходил в норму.

Что же происходило с ним сейчас?

Очевидно, Чжоу Цзыфэй тоже почувствовал его состояние. Повинуясь скорее инстинктам, чем разуму, он сел в постели, прижал Шэнь Цзя к себе и стал размеренно поглаживать его хрупкую спину.

— Я здесь, малыш. Все хорошо, сейчас пройдет.

Но на этот раз от нежных прикосновений внутри Шэнь Цзя только сильнее закипала сладкая истома.

— Я... я правда хочу. По-настоящему...

Сбиваясь с дыхания, Шэнь Цзя сжал запястье Чжоу Цзыфэя и прижался к нему всем телом.

Чжоу Цзыфэй на мгновение замешкался:

— Мы же только утром этим занимались?

— Утром... утром я тебя обманул... — уткнувшись в его шею, робко прошептал Шэнь Цзя.

— Обманул?

Шэнь Цзя не смел признаться. В прошлый раз за подобную откровенность Чжоу Цзыфэй уложил его к себе на колени и устроил настоящую трепку, так что потом весь день пришлось подкладывать подушку, а вечером в душе все еще саднило.

Но Чжоу Цзыфэй слишком хорошо его знал. Слегка сжав его тонкую талию, он потребовал честного ответа.

— Ну... ты утром случайно прижался ко мне... вот я и...

Побоялся, что тебе будет тяжело, вот и соврал, будто сам хочу.

Чжоу Цзыфэй с досадой слегка прищипнул его за щеку, после чего запустил руку под одеяло.

— А... можно как-нибудь иначе? — превозмогая смущение, со слезами на глазах спросил Шэнь Цзя.

Чжоу Цзыфэй замер.

Он хотел было строго сказать, что провинившимся не полагается поощрений, но пылающие щеки Шэнь Цзя и его трепещущие ресницы выглядели так искусительно, что тело снова опередило мысли.

Спустя некоторое время Шэнь Цзя сжал пальцами подушку, в спальне раздался сдавленный

звук, и Чжоу Цзыфэй вынырнул из-под одеяла.

— Я тебя угостил, а ты меня чем порадуешь?

Вытерев губы, Чжоу Цзыфэй потянул Шэнь Цзя ниже, и тот беспрекословно подчинился, улегшись на спину.

— Чем именно?..

Плед выскользнул из-под рук, и Шэнь Цзя, словно с задержкой, положил ладони на плечи Чжоу Цзыфэя.

Вскоре он все понял.

Сухая осень — лучшее время для сочных апельсинов.

А как правильно есть апельсин?

У каждого свой подход. Чжоу Цзыфэй предпочитал чистить руками: сперва аккуратно снять кожуру, затем прикусить дольку, проверяя, сладка ли она и много ли сока.

Убедившись, что вкус превосходный, он принимался за дело всерьез. Сок следовало выжать до последней капли, не упустив ни грамма, а тугую, налитую мякоть — вкушать не спеша, наслаждаясь густым цитрусовым ароматом.

За окном налетел осенний ветер. Шэнь Цзя повернул голову и сквозь пелену в глазах взглянул наружу. Ему казалось, что он сам превратился в один из желтеющих листьев на ветке, дрожащих на ветру.

...

В конце концов Шэнь Цзя не выдержал и запустил в него подушкой. Чжоу Цзыфэй качнулся назад и едва удержал равновесие, упершись руками в матрас. Но от этого движения у Шэнь Цзя из глаз брызнули слезы, а щеки и скулы вспыхнули пунцовым румянцем.

Когда Шэнь Цзя снова открыл глаза, день уже клонился к вечеру. Свет за окном заметно померк, а в спальне царил полумрак.

Он привычно провел рукой по соседней половине кровати, но наткнулся на холодную

простыню. В груди отчаянно заскребла тревога.

Чжоу Цзыфэй уже давно не оставлял его одного.

Из-за двери доносился приглушенный голос — похоже, Чжоу Цзыфэй с кем-то разговаривал.

Шэнь Цзя некоторое время просидел в растерянности на кровати, после чего медленно натянул аккуратно сложенную на изголовье одежду и поднялся.

Шаркая тапочками и растирая затекшую поясницу, он мелкими шагами направился к выходу.

Чем ближе он подходил, тем отчетливее звучали слова:

— Прекрати звонить с разных номеров! Я же сказал: у Шэнь Цзя все хорошо, твоя забота ему не нужна!

— С чего бы мне не отвечать за него? Ты бросила его на двадцать лет, а теперь явилась как ни в чем не бывало и требуешь прощения?

— Ты...

Раздался щелчок открываемой двери. Чжоу Цзыфэй осекся и резко обернулся.

— С кем ты говоришь? — прошептал Шэнь Цзя.

Он стоял бледный как полотно, губы его обескровели, а взгляд приковался к телефону в руке Чжоу Цзыфэя. К его собственному телефону.

— Малыш... Ты чего так рано проснулся?

Лицо Чжоу Цзыфэя на миг исказилось испугом, но он тут же взял себя в руки. Улыбнувшись привычной, ласковой улыбкой, он попытался обнять Шэнь Цзя.

— С кем ты разговаривал? — повторил Шэнь Цзя, сделав шаг вперед и уклонившись от его рук.

Чжоу Цзыфэй хотел сказать что-то, но из динамика донесся едва слышный, до боли знакомый голос Лу Хэ:

— Цзяцзя, это мама...

Короткий писк — Чжоу Цзыфэй сбросил вызов.

— Ты же говорил, что она ни разу не искала меня за этот месяц? — спросил Шэнь Цзя, пристально глядя на него.

Его глаза, обычно изогнутые в мягкой полуулыбке, сейчас напоминали штормовое море перед бурей — внешне неподвижное, но скрывающее в глубинах всепоглощающий мрак и отчаяние.

Первые дни, когда от Лу Хэ не было ни весточки, Шэнь Цзя изнывал от тревоги.

С ней что-то случилось? Или она... наконец решила сдаться?

Оставила его. Снова, в очередной раз.

Шэнь Цзя перебирал историю сообщений. Диалог с матерью остановился на том самом тексте: «Цзяцзя, похолодало. Мама хочет связать тебе шарф. Ты ведь по-прежнему любишь кремовый цвет?».

Он ничего не ответил, но в глубине души ждал.

Даже когда Чжоу Цзыфэй повел его выбирать шарф, он специально попросил не брать кремовый.

Но шли недели, а от Лу Хэ не было ни слуху ни духу. Она не писала и не говорила, что шарф готов.

Из-за этого его мучили кошмары. Ему снилось, будто он снова стал маленьким ребенком, идет за Лу Хэ, держится за край ее платья и плачет: «Мама, а где мой шарф?».

А Лу Хэ поворачивалась, держа на руках другого мальчика. На шее того ребенка был повязан кремовый шарф. Посмотрев на Шэнь Цзя, она недоуменно спрашивала: «Я не твоя мама. Ты чей, малыш?».

От этого сна он просыпался в холодном поту, часами безмолвно плакал на груди Чжоу Цзыфэя, пока глаза не начинали гореть огнем, и круглые сутки не выпускал из рук телефон.

Пока в конце концов Чжоу Цзыфэй не забрал у него мобильный:

— Малыш, я буду сам следить за входящими. Если она напишет, я сразу тебе сообщу.

Перестань изводить себя.

Шэнь Цзя безгранично доверял ему. Он отдавал телефон и со спокойным сердцем засыпал.

— Ты мне соврал, — проговорил Шэнь Цзя сорванным голосом, его глаза налились кровью.

«Даже ты меня обманул...»

— Нет, нет, сокровище, выслушай меня! Я... — Чжоу Цзыфэй в панике бросил телефон на диван и схватил его за плечи. — Я боялся, что она снова причинит тебе боль! Я просто... я не хочу, чтобы вы общались! Я хотел уберечь тебя от этих страданий!

— И поэтому решил всё за меня? Посчитал, что имеешь право оборвать нашу связь?

Слезы застилали глаза Шэнь Цзя, но он не давал им упасть.

— Прости меня, малыш, прости! Я просто... Я так люблю тебя. Я не могу видеть, как ты мучаешься.

— То есть ты решил, что раз она меня не любит, то ей не место в моей жизни?

Чжоу Цзыфэй замер, не смея вымолвить ни слова.

Именно так он и думал. Всегда так думал. Но знал: Шэнь Цзя никогда этого не примет.

Заметив на лице Чжоу Цзыфэя тень замешательства и страха, Шэнь Цзя вдруг горько усмехнулся:

— Скажи, Чжоу Цзыфэй... В твоих глазах я просто жалкий нищий, которого никто не способен полюбить?

Чжоу Цзыфэй сильнее сжал его плечи, отчаянно качая головой:

— Нет! Нет, сокровище, как ты мог такое подумать?! Ты вовсе не жалкий, и тебя любят...

— Тогда объясни! Объясни, зачем ты это сделал?! — Шэнь Цзя вырвался, его эмоции окончательно выплеснулись наружу.

— Я... я... — Чжоу Цзыфэй дрожал, не в силах связать и пары слов.

— Отвечай!

Шэнь Цзя сделал шаг назад. За его спиной находился балкон.

— Не надо! Я скажу, всё скажу! — Чжоу Цзыфэя прошиб холодный пот, он протянул руку, чтобы удержать его, но Шэнь Цзя снова отступил.

— Я считаю, что она приносит тебе только боль! Что ее забота, что ее мольбы о прощении — всё это только терзает тебя! Я просто... просто не могу смотреть, как ты страдаешь!

Шэнь Цзя замер. Чжоу Цзыфэй медленно, шаг за шагом, стал приближаться к нему.

— Но прямо сейчас мне не менее больно!

Шэнь Цзя резко развернулся и рванул на себя створку окна. Зрачки Чжоу Цзыфэя расширились от ужаса; с невероятной скоростью он совершил бросок вперед, подхватил Шэнь Цзя за талию и с силой потянул обратно в гостиную.

Откуда только взялась сила в этом истощенном теле?

Словно внутри него проснулся дикий зверь: даже в крепких объятиях Чжоу Цзыфэя Шэнь Цзя умудрился с такой силой отпихнуть ногой тяжелый диван у двери, что тот отлетел на полметра.

— Отпусти! Отпусти меня!

— Любовь — это радость... Но разве боль — это не часть любви?! — охрипшим голосом кричал Шэнь Цзя, на его бледной шее вздулись синие жилы. — Ты не имеешь права! Не имеешь права отнимать у меня это!

Эта кровная связь, вьевшаяся в самые кости, эта отчаянная, неистребимая жажда материнского тепла — ничего из этого не обрело покоя. Ведомый одним лишь горьким инстинктом, Шэнь Цзя выплескивал всю свою боль:

— Пусть она меня бросила, пусть та семья сгнила до основания — но это МОЯ жизнь! Это ЧАСТЬ МЕНЯ!

Хватка на талии сжалась до боли. Шэнь Цзя забился в его руках, обрушивая на Чжоу Цзыфэя град ударов. В безумном порыве он впился зубами в его предплечье.

Но Чжоу Цзыфэй лишь крепче прижимал его к себе, непрестанно шепча с бесконечной

нежностью:

— Всё хорошо... Всё наладится, малыш, не бойся.

Глубокое, беспросветное отчаяние лишило Шэнь Цзя сил.

Его пальцы соскользнули по руке Чжоу Цзыфэя, на которой алели свежие следы его зубов.

— Чжоу Цзыфэй, ты хоть понимаешь?.. Это ведь тоже я... Ты понимаешь это или нет?.. — пробормотал он еле слышно.

«Ты хоть что-то понимаешь?..»

Каждый раз, когда Шэнь Цзя бился в истерике, он спрашивал, понимает ли его Чжоу Цзыфэй. Но никогда не объяснял, ЧТО именно тот должен понять.

И Чжоу Цзыфэю оставалось только гадать.

Может, он слишком груб с его матерью?

Или не имеет права вмешиваться в его дела?

Слишком громко говорит? Забыл вовремя поцеловать? Недостаточно крепко обнял во сне? Оставил одного в спальне?

Где он опять ошибся?

Чжоу Цзыфэй не понимал. Действительно не понимал.

Бездонное бессилие затопило его разум.

— Прости... Малыш, прости меня...

— Прости, это я ничего не понимаю... Прости...

Ему оставалось лишь судорожно сжимать объятия, припадать губами к влажным от пота волосам Шэнь Цзя, бесконечно извиняться, признавая свою вину и бессилие.

Слезы Шэнь Цзя обжигали тыльную сторону его ладони, оставляя невидимые ожоги на

растерянном сердце.

Диван, на котором еще пару часов назад спал Шэнь Цзя, стоял перекошенным. Узорчатый плед упал на пол, растоптанный их ногами.

<http://bllate.org/book/19971/1986038>